

Олли
Серж

Невеста
для
Ярого

Наследники

Олли Серж

Невеста для Ярого

«Олли Серж»

2020

Серж О.

Невеста для Ярого / О. Серж — «Олли Серж»,
2020 — (Наследники)

Он - страшный, влиятельный человек, в глазах которого - вечная мерзлота и презрение. Я - невольная обладательница наследства его главного конкурента. На меня объявлена охота, ведь Ярый, далеко не единственный, кто хочет заполучить крупный куш себе. Почему этот мужчина предлагает мне брак вместо того, чтобы, как все, просто пустить в расход? Неужели та наша случайная встреча что-то для него значит? Может ли один человеческий поступок в прошлом, навсегда изменить настоящее нескольких людей? Витиевато переплести судьбы, сделав врагами самых близких? Все реально, когда в игры вступают сильные мира сего.

Олли Серж

Невеста для Ярого

Ярослав

– Ну как тебе столица, Гошаныч? – Вадим перекрикивает музыку. Уже порядочно накидался, шутит глупо, но сжимать в руках талию Маши не забывает.

Девушка дёргает плечами, стараясь подавить судорожный вздох, и делает большой глоток алкоголя, трудно сглатывая. Понятно, обижается, что Вадик решил провести последний вечер перед командировкой в баре с нами, а не дома с ней вдвоём. Маша неосознанно мешает трубочкой коктейль в стакане и медленно мигает в такт лучу стробоскопа.

– Очень быстрая, – отвечает Гоша. – Но девушки красивые, – расплывается в наглой улыбке.

– Ну вот вернёмся, Машка тебя с кем-нибудь познакомит, – смеётся Вадос, – будешь завидный жених, при бабле. Да не смущайся ты, тут все за «зеленью» едут, только Ярый у нас идейный, – чмокает свою девушку в щёку.

Она скидывает руку жениха и поднимается с места.

– Я сейчас вернусь, – протискивается мимо меня, выходя из-за столика. – Извините.

Замечаю в её глазах подозрительный влажный блеск. Вадик постукивает по столу зажигалкой и задумчиво смотрит вслед девушке.

– Не прав ты, Вадос, – качает головой Архип, – зачем её прикормил? Ведь знаешь, куда едем. Хорошая девчонка.

– Не сдержался, мужики. Предложение сделал. Месяц как на крыльях живу, а просыпаться с ней – это вообще отвал башки. Не в обиду – последний раз еду с вами, на свадьбу надо заработать. Хочу в платье пышном её, чтобы гости, голуби, ресторан, ну по-людски, короче. Когда Машу в халатике белом увидел, сразу офигел. Смотрю на неё, улыбаюсь, как debil. А она строгая, говорит, мол, на живот повернитесь. Да как мне антибиотик в задницу засадит, – Вадим мечтательно улыбается, достаёт из пачки сигарету и крутит её между пальцами. – Баба, понятно. Не хочет, чтобы ехал. Ну что такое три месяца?

– Я тоже считаю, что ты не прав, – на несколько секунд замолкаю, пока официантка, стреляя глазками по нашим фигурам, расставляет на столе заказ. – В контракте пункт «отсутствие семьи» не просто так существует. Надеюсь, ребёнка ей не сваял?

– Перестань, Ярый, – Вадим хмурится и старается убедить в своей правоте себя больше, чем меня, – вон у Архипа сестра есть...

– Васька совершеннолетняя, самостоятельная, – Архипов прерывает друга. – Я тоже хочу, чтобы у неё всё было. Чтобы вот доучилась в институте хорошо. А год обучения знаешь, сколько стоит? – берёт с деревянной доски круглые крекеры и выкладывает их в ряд, как нули. – Вот столько.

– У нас в Томске квартиру за такие деньги купить можно, – присвистывает Гоша.

– Да нафиг оно нужно тогда? – психует Вадик. – Всё в эти чёртовы деньги упирается. И Машич тоже смены ночные пашет, говорит, что после «скорой» плюшки им положены, – сигарета рассыпается шелухой вперемешку с табаком в его пальцах. – Пойду покурю и Машку поищу.

Следующие несколько минут каждый думает о своём, делая вид, что увлечён едой в тарелке. Первый раз нам так нервно. Может, потому что раньше положение было относительно спокойным, а в последние две недели «бородатые» вконец оборзели?

Музыка плавно сменяется с быстрого трека на медленный, и уши заполняет бархатный женский голос. Он растекается патокой по венам, запускает по спине и рукам крупные мураши, которые отдаются приятным теплом в паху. Занятные ощущения. Поворачиваю голову в сторону сцены и вижу молоденькую девушку возле микрофона. Ей, вообще, есть восемнадцать? Ведёт себя очень спокойно, без ужимок, движения плавные, кисти тонкие... Её фигура глухо запечатана в чёрное платье без пошлого декольте. Видны только глубокие вдохи и лёгкие вибрации тела на сильных нотах. Глаза прикрыты – явно кайфует. Небрежно отбрасывает прядь длинных волос за спину, проводит кончиками пальцев по шее до острой ключицы и возвращает руку на микрофон. А меня сносит, будто ударной волной, возбуждение в теле нарастает, пальцы стискивают стакан до хруста стекла. Инстинкты орут, что надо хватать её и делать своей, пока она ещё вот такая: нежная, податливая... ммм...

Даю сам себе воображаемую затрещину, с трудом отрываю глаза от «наваждения» и залпом осушаю порцию вискаря. На месте её отца надрал бы девчонке задницу и за книжки посадил. Вообще, какого хрена она забыла в этом баре? Здесь бывают только такие, как мы, а то и сильно похуже персонажи. Ни один из нас не является идеальным образом зятя. Архип – деревенский парень после армейки, немного обжившийся в столице, Вадим – бывший борец, получил какую-то травму и теперь не проходит на профессиональные соревнования, Гоша – вообще детдомовский из глубинки, примкнул к нам в прошлой поездке, а в этот раз едет четвёртым. И даже на фоне троих шалопаев я – главное исчадье. Сын криминального авторитета, который прогнулся под власть, лишь бы не продолжать дело отца.

– Эй, Ярый, – получаю толчок локтя в бок от Гоши, – эта детка сегодня самый топ, – кивает головой на сцену, а я моментально зверею.

Даже я её не трону! Не смотреть!

– Это не детка, блять! – грозный шёпот Архипа пробирается за шиворот.

Поворачиваюсь к нему и вижу, что он дымит, как чайник.

– Это – МОЯ СЕСТРА! – кулак приземляется на столешницу. – Зараза! Всё равно по своему решила сделать. Я был у ректора и запретил давать ей свободное посещение. Так она решила по ночам работать! – подрывается с места. – Сейчас вернусь! Вызову ей такси и отправлю домой!

Василиса, значит. Я снова не могу оторвать от неё взгляд. Вот звучат последние аккорды песни, и она, часто моргая, возвращается в реальность. Замечает брата, пугается, распахивает глаза. Её перехватывает администратор и что-то говорит. По бурной жестикуляции понимаю, что ему девочка тоже «зашла». Кто бы сомневался. Архип бесцеремонно берёт сестру за локоть, резко отвечает администратору и ведёт девушку к нам. Сюда. Вася, чуть не плача, пытается протестовать. Всё верно он делает, девочка. Я бы тебя вообще унёс. Мышцы тянет, будто действительно сжимаю её в руках. Да я почти в два раза больше неё! Но воображение подкидывает ощущение нежной кожи под пальцами, я вижу сейчас вблизи, какая она ровная и нереально гладкая. На шее колотится венка, белые зубки покусывают нижнюю губу. Я бы тоже прикусил. Кровь в венах разгоняется... Какая ты, милая, когда тебе хорошо? Или ты ещё ничего об этом не знаешь?

– Здравствуйте, – говорит с вызовом Вася и окидывает нас взглядом.

– Привет... Привет... – выдавливаем из себя с Гошей.

– На улицу с ней выйду, – Архип забирает с собой кожаную куртку. – Здесь сеть плохо ловит.

Девушка мечет на него грозный взгляд, берёт со стола Машин коктейль и выпивает его залпом. Ухмыляюсь. Да мы с характером!

– Почему вот вам, – Вася тычет в грудь брата пальцем, – и вам, – возвращает взгляд ко мне, – всё можно, а мне нет!

Я впиваюсь глазами в её расширенные зрачки... Охрененная ты будешь подо мной! Хочу, чтобы её стоны пели только мне, хочу прямо сейчас прикоснуться к высокому хвосту на голове, стянуть резинку и зарыться носом в русский шёлк. Уверен, что сзади, в районе шеи, ещё остался запах шампуня. Мозг уплывает в фантазии. С трудом разрываю наш зрительный контакт, надеюсь, что был нечитаем. Иначе – это очень плохо. Трогать сестру друга – полный отстой. Нам ещё в одной стенке стоять и прикрывать спины друг другу. Вливаю в себя стакан Архипа и вижу, как Гоша жадно стекает взглядом по удаляющейся фигуре девушки.

– Слюни подбери! – говорю резче, чем требуется. Контроль посылает меня на х.

– Взаимно, – товарищ усмехается. – Тебе, значит, можно? Присвоил?

– И мне нельзя. Лучше наливай. Это бессмысленный разговор.

И опасно много нервов.

Василиса

Год спустя...

– Как экзамен, Василиса? – по зажатой интонации понимаю, что Владимир снова разговаривает за рулём.

Он всегда куда-то спешит, с кем-то общается, встречается. Странно то, что спустя год я понятия не имею, чем мой начальник зарабатывает на жизнь. Обычным караоке-клубом, в котором я работаю, прокормить такое количество персонала просто невозможно. Нет, я, конечно, не невинная овечка и понимаю, что Королёв плотно связан с криминальным миром. Многих его «партнёров» даже знаю в лицо, но он старается максимально оградить меня от подробной информации.

– Да, сегодня был зачёт. Мне автоматом поставили.

Выхожу из здания института и окидываю взглядом одноклассников, сидящих с конспектами на фонтане. В начале обучения меня сильно огорчала наша разрозненность, а сейчас – так даже проще. Никто не лезет с расспросами.

– Молодец. У меня просьба к тебе. Перед работой заедь к отцу Иннокентию и забери сметы на пристройки. Иначе электронный вариант я буду ещё неделю от него ждать.

Да, Володя ещё очень много вкладывает в благотворительность. Откровенно говоря, думать о том, что таким образом он держит баланс добра и зла в своей жизни, не хочется.

– Конечно, сделаю.

Вызываю себе такси и зависаю в телефоне, удаляя фотографии со шпаргалками.

– Привет, Васенька!

Меня окутывает терпкое облако одеколона, а на талию с обеих сторон ложатся тяжёлые ладони. Алан...

– Уже сдала?

– Сдала... – разворачиваюсь к нему лицом и отступаю на шаг назад так, чтобы его руки соскользнули с моего тела. – А ты?

– Я тоже сдал, – хмурится, распознав мой манёвр. – Как насчёт того, чтобы отметить? Сегодня вечером?

– Я работаю, не могу...

– Вася...

Властность и металл в голосе напоминают мне, почему я порвала отношения с Аланом.

– Ну начерта этот гадюшник тебе сдался? Я же могу всем обеспечить.

– Вместе со мной работают порядочные люди, – мои нервы натягиваются. Ненавижу, когда кто-то пытается подать себя лучше за счёт других. – Это только тебе вечно было стыдно, что меня узнают твои друзья. Получается, именно их ты и называешь «гадюшником»?

– Вася, всё не так... – он предупреждающе рычит, но я уже не могу остановиться.

– Ну так помни тогда: «Скажи мне, кто твой друг...»

Договорить не успеваю. Алан сносит меня весом к бетонной колонне и прижимает.

– Ты знаешь особенности моей семьи, – шипит, стараясь сдерживать ярость. – Своей самостоятельностью ты лишаешь меня возможности представить тебя отцу.

– Хватит лжи. Да это просто очередная уловка, чтобы переспать со мной, – я усмехаюсь. Осознание, что семья Алана не одобрит меня в качестве его жены, пришло быстро. А парень становился всё агрессивнее в своей страсти. – Пусти. Моё такси приехало.

– Детка, ты не права, – он пытается прижаться к моим губам. – Я допускаю, что мог где-то чересчур давить. Но рядом с тобой у меня с первого дня сносит крышу.

– Мы не вместе! – кричу ему в лицо так громко, что слышу свой голос эхом от стен корпусов. – Не трогай меня!

На нас начинают коситься люди, и он отпускает.

– Уходи! Давай! Ты же лучше под него ляжешь? Да? – зло несётся мне вслед.

Не оборачиваясь, запрыгиваю в такси и захлопываю дверь, разделяя миры. Бабушка говорила, что красота для женщины – тяжёлая ноша. Уже в девятнадцать я познала это утверждение в полной мере.

Откидываюсь на сиденье и прикрываю глаза. Подозреваю, что Алан далеко не единственный, кто думает, что наши отношения с Владимиром не ограничиваются дружескими. В этом есть зерно истины. Я действительно видела этого мужчину разным: пьяным, злым, расстроенным. Но даже в такие моменты он никогда не позволял себе ничего двусмысленного в мой адрес, тем более, грубого. Был у него только один приколы. Когда Володя очень уставал, а телефон начинали обрывать любовницы, он просил меня взять трубку и сказать, что он в душе. Сам же в этот момент с наслаждением поглощал мармеладных червячков, которых тоже покупала ему только я. И мне наплевать с высокой колокольни, кто что думает! Потому что так, как Владимир, обо мне заботился только брат.

Общую картину благопристойности подрывало ещё одно весомое обстоятельство. Анастасия Ивановна – жена моего работодателя. Появлялась она всегда эффектно. У всех сотрудников моментально находились неотложные дела – лишь бы не попадаться ей на глаза. Сомнений в том, что их брак абсолютно фиктивен, не возникало, стоило только один раз увидеть супругов рядом. Поэтому как-то после очередного скандала я поинтересовалась:

– Зачем вы друг друга мучаете? Вы же можете обеспечить её всем необходимым и отпустить.

– В нашем мире, Василиса, бывших жён не бывает. Если женщина вошла один раз в круг доверия, она останется в нём навсегда. Иначе – станет неконтролируема. Ананас будешь?

Владимир часто говорит со мной, как с маленькой девочкой. И это зверски раздражает.

Погружённая в свои мысли, не сразу замечаю, что такси остановилось возле разросшейся, хорошо ухоженной и почти достроенной за прошедший год церкви.

– Спасибо, – подаю водителю деньги и несколько секунд собираюсь с духом, чтобы выйти.

Я думала, что всё отболело, прошло, но нет. Воспоминания душат меня на этом месте каждый раз. Обречённо присаживаюсь на лавку. Когда-нибудь всё забудется, сейчас же лучше перестать сопротивляться и дать прошлому выйти со слезами.

Воспоминания. Год назад...

Запах свежескошенной травы стоял в носу. Мне казалось, что я даже чувствовала её горьковатость на языке. Или это просто желудок... Сегодня впахнуть в себя завтрак снова не получилось, а прийти сюда было изначально глупой затеей. Только тяжелей стало. Несмотря на поддержку соседки, я всё равно чувствовала на себе косые, а то и жалостливые взгляды. Почему если молодая девушка пришла в церковь, то у неё обязательно что-то случилось? На мне не было тёмной одежды – обычный длинный сарафан и цветной платок. Воз-

можно, выдавали припухшие глаза и полное отсутствие макияжа... Я стояла возле забора и не могла ни войти, ни уйти. Как заворожённая смотрела на рабочих, которые разводили побелку и поднимали вёдра вверх по строительным лесам.

– Хороших работников ты прислал, Владимир, – послышался певучий низкий голос.

По дорожке к выходу шли батюшка и немолодой мужчина. Белоснежное поло, светлые джинсы, поблёскивающие золотом часы на руке, зажатый в ладони брелок сигнализации – всё говорило об особенном положении гостя. Определённо меценат. Один из решивших задуматься о душе.

– Думаю, что на этой неделе стены закончат, дай Бог погоду хорошую, и на внутреннюю отделку перейдут. Для меня самое главное, что их подгонять не надо. Своей работы хватает. Матушка их раз в день обедом кормит.

– Добро, отец Иннокентий, поеду я. Дел много. На всё, что непредвиденное тратят, ты чеки собирай. На следующей неделе заеду обязательно...

Неожиданно аромат тюльпанов с клумбы, возле которой я зависла, становится удушающим. Голоса, шум строительной техники сливаются в единый гул, и мир начинает «растекаться» цветными пятнами. Я медленно оседаю на асфальт, но в самый последний момент меня подхватывают сильные мужские руки.

– Эй, ты чего удумала? – это тот самый Владимир. – Ну-ка, на лавку давай. Ножками-то шевели. Пей.

Возле моего лица появляется бутылка с водой. Шипучая минералка помогает, и мир начинает возвращать чёткие очертания.

– Спасибо, – дрожащей рукой возвращаю «Боржоми», но почему-то разжимаю пальцы до того момента, как мужчина успевает его перехватить. Минералка выплёскивается на джинсы, а бутылка улетает в траву. – Простите... – всхлипываю я.

Эта последняя капля окончательно пробивает броню моей выдержки. Падаю лицом в ладони и начинаю рыдать.

– Да что ты будешь делать... – ворчит Владимир. – Беременная, что ли? Чего в обмороки летаешь?

Я отрицательно качаю головой.

– Просто не поела... утром...

– Зовут тебя как?

– Василиса...

– Верующая? Так чего не на службу пришла?

– Неверующая... Первый раз я. Раньше только с бабушкой на Пасху бывала.

Он достаёт сигарету и задумчиво прикуривает, глубоко втягивая дым.

– Вот как мы поступим... Василиса... Ты мне всё по-честному расскажешь, а я подумаю, как тебе помочь.

– Мне не нужна помощь, – я испуганно вскидываюсь, слёзы просыхают, резко поднимаюсь на ноги и со стоном возвращаюсь на место. Тошнота ещё качает сознание.

– Да, – ухмыляется Владимир, – я вижу, что не нужна. Ты много о себе думаешь, Вася. В плане секса я не испытываю к тебе ни малейшего интереса. Вот подкормить – вполне. Тебе восемнадцать есть?

– Девятнадцать.

– Уже легче. Так вот, вряд ли у тебя может быть такая проблема, которую я не в состоянии решить.

– У меня именно такая...

– С самого начала, Василиса...

Повышающийся тон говорит о потере терпения у мужчины. Почему бы и не рассказать? Выговориться тоже бывает полезно.

– Брат погиб неделю назад. Служил по контракту, уже домой скоро было. А тут неожиданно звонит мужик и таким мерзким ровным голосом говорит, чтобы приезжала и тело забирала, – тухну. Язык отказывается шевелиться, но я говорю, глотая стекающие в горло слёзы: – Ничего не рассказали, денег не заплатили, сказали, что сам был виноват, друга спасал... Нужно следующий семестр оплачивать в институте, а на него я даже на свободном посещении не заработаю... Всё в квартире Архипа напоминает. Как ремонт делали, как из деревни переезжали... Соседка сказала, что в этом храме матушка хор женский собирает, мол, стены святые помогают. Я попробовать решила. А они сразу сказали, что не подхожу... Глупая идея была, понимаю. Слабо я на верующую похожа.

Владимир слушает мой сбивчивый рассказ молча. Успевает докурить вторую сигарету, затушить её ботинком и бросить в урну.

– А ты пойдёшь, значит?

– Колледж культуры закончила по эстрадно-джазовому вокалу...

– Учишься тоже музыке?

– Нет. Брат заставил на языки пойти. Баллов на бюджет заочки хватало, а он упёрся, чтоб только дневное. Архип хотел, чтобы у меня было... – в горле снова начинается образовываться ком, который не получается сглотнуть. – Вот и заработал...

Решаюсь поднять на мужчину глаза. Сед, по-мужски красив, лёгкая небритость, взгляд сканирующий, тяжёлый. Он думает. Носогубная складка глубокая – выдаёт суровый характер. Ему примерно лет шестьдесят, может, чуть меньше.

– У меня есть караоке-клуб. Пойдёшь работать в вечернюю смену. До глубокой ночи задерживаемся, только если корпоратив заказывают, так что будешь успевать выспаться. С аппаратурой дружишь? Микрофоны подключить, колонки?

– Дружу... – судорожно пытаюсь осознать выгодность предложения, пока мужчина достаёт из пачки третью сигарету и задумчиво крутит её между пальцами.

– Продержишься три месяца – оплати обучение в институте.

Открываю рот, чтобы его перебить, но Королёв останавливает меня жестом:

– Я покупаю твою преданность, Василиса. В моей жизни моменты бывают разные. Если решишь работать, то приезжай сегодня к семи вечера в «Ночь» на Кутузовском. Визитку возьми.

Я ошарашена натиском, но и отказываться не спешу.

– Спасибо... – зажимаю кусок картона в ладони.

– Поехали, довезу до дома тебя.

– Я могу сама. Мне лучше. Спасибо... – инстинкт самосохранения включается на полную мощность, смешивается со слабостью, и мои руки начинают трястись.

– Василиса, поверь, – Владимир со вздохом встаёт с лавки и делает шаг в сторону машины, – тебе не стоит меня бояться. Поехали, хоть до Макдональдса довезу. Не уверен, что сама ты вообще способна куда-то пойти.

– Василиса? – из воспоминаний меня вырывает певучий грудной голос отца Иннокентия. – Вы не меня ожидаете? Дела в городе задержали.

– Вас, – стараюсь улыбнуться, – Владимир должен был предупредить, что я за счётами заеду.

– Точно! Совсем из головы вылетело, пойдёмте.

Кидаю последний взгляд на лавку и иду следом за батюшкой. Может быть, этот раз станет последним? И я, наконец, смогу приходить сюда со светлыми мыслями?

Василиса

События первой половины дня выбили меня из колеи, размазали. Чтобы как-то привести себя в чувство, пришлось заехать домой: принять душ, поправить потёкший макияж и переодеться. Соседка, услышав, что я дома, попросила купить продуктов. Как я могла ей отказать? Старушка за последние месяцы сильно сдала.

В итоге – на работу попала уже в сумерках. Думала, что на метро будет быстрее, но на станции сломались турникеты. Полчаса ждали рабочих, пока починят.

Володя очень злится, когда я пользуюсь подземкой, а не такси. Считает, что это небезопасно. Но сегодня ворчать не будет, его самого ещё нет на работе. Место на стоянке пустое.

– Привет, Катюш, – здороваюсь с администратором, тянусь поцеловать её в щёку, но замечаю, что девушка не спешит проявлять ко мне любезность, а неестественно косит глазами в сторону коридора.

Всё ясно. Вечер будет не легче утра. Анастасия Ивановна собственной персоной пожаловала и, видимо, уже успела разбавить трудовые будни персонала практикой злословия. Мысленно готовлюсь уйти в глубокую оборону, когда из-за двери выплывает «облако блестящего гипюра». Её бы вместо диско-шара подвесить. Делаю глубокий вдох и смело скрещиваю свой взгляд с её, пышущим ненавистью.

– Ну здравствуй, ДОРОГАЯ девочка!

Таак, а дело, похоже, во мне. Женщина щурит глаза, и её губы кривит злая усмешка:

– За какие ж это заслуги перед отечеством у нас такие премии выдают?

– Добрый вечер, Анастасия Ивановна, – пытаюсь ей улыбнуться. – Не понимаю, о чём вы?

– О чём? – она багровеет. – Он всё-таки тебя трахает?

Приплыли... Они все сговорились сегодня! Перевожу дыхание и прикрываю глаза. Мне надо продержаться до приезда Владимира. Хамить же ей нельзя категорически.

– Добро пожаловать в караоке-клуб «Ночь»! – громче, чем необходимо, тараторит за моей спиной Катя, видимо, стараясь, чтобы гость не услышал нашего разговора.

– Здравствуйте! – отвечает глубокий мужской голос. – Как я могу увидеть Владимира?

Поворачиваюсь к клиенту лицом и не могу заставить себя заговорить. По его на секунду распахнувшимся, а затем презрительно сузившимся карим глазам осознаю, что он слышал последнюю реплику Анастасии. Меня сковывает железными скобами по рукам и ногам. Сердце спотыкается, предательски перестаёт стучать, леденя кожу, и снова срывается в бешеный ритм, только уже захлёбываясь кровью. Я узнала бы этого человека из миллиона. Тот, от взгляда которого у меня единственный раз в жизни подгибались колени, тот, о котором я не раз слышала истории, тот, который, по всей видимости, вернулся домой вместо моего брата... Ярый. И я могу поклясться, что он тоже меня узнал.

– К сожалению, моего мужа, – Королёва подчёркивает свой статус, – сейчас нет на месте. Что ему передать?

– Передайте, – гость недобро хмыкает и смотрит на часы, – что я заеду через час и ОЧЕНЬ хочу видеть его на месте.

– Я обязательно передам, – Настя становится кокетливо-елейной и стреляет глазами, намеренно расшатывая позиции мужа.

Ярый резко разворачивается и, мазнув по мне ледяным взглядом, выходит за дверь.

– Ну чего застыли? – начальница ещё не насытилась нашей кровью. – Идите работайте. Через полчаса начнут гости собираться. А с тобой, владелица серебристого «Опеля», – она сощуривается, словно смотрит на простейшее в окуляр микроскопа, – я ещё не закончила, – разворачивается и уходит в кабинет. Пить.

– Кать, – прижимаю ладони к пылающим щекам, – какого «Опеля»? У неё совсем крыша потекла?

– Сегодня в обед представитель из автосалона приезжал, – голос Кати опускается до беззвучного шелеста губами, – привёз пачку документов, а потом они с Владимиром Сергеевичем ходили машину смотреть. Тебе, что ли, купил?

– Я не знаю... – качаю головой, стараясь переварить информацию.

Очень похоже на правду. Мегера просто так трогать бы меня не стала. Значит, случилось что-то из ряда вон... Кошмар!

* * *

Ловлю беспокойный взгляд девушки и, чтобы её подбодрить, пытаюсь выдавить из себя улыбку. Кате сейчас с людьми общаться, а у неё с лица вся кровь схлынула в пятки. Но получается у меня плохо.

Захожу в зал, слегка покачиваясь на высоких каблуках, словно шарнирная кукла. Сажусь на небольшую сцену и прислоняюсь спиной к колонке. Мышцы стягивает паника. Как сегодня работать? Я просто смотрю в одну точку, стараясь не впускать в голову мысли о том, что через час ОН будет здесь. Заполнит собой воздух, пространство, мои мысли.

Тогда, год назад, я очень ждала, что вернувшиеся друзья брата дадут о себе знать. Искала их, стучала в кабинеты начальников, где мне холодно отвечали, что подобная информация строго конфиденциальна, и они не имеют права называть даже фамилии. Мне не нужна была помощь, не нужны были деньги. Я просто хотела знать правду о том, как погиб Архип, и жив ли тот, который одним бездонным взглядом обрёк всех последующих мужчин в моей жизни на вечное сравнение. Всего за несколько секунд он достал из моей женской сущности диаметрально противоположные желания: разозлить его, разругаться вдрызг и тут же быть завоёванной, принадлежа только ему без остатка.

Но никто так и не пришёл. Единственным намёком на помощь стала оплата похорон. В соцсетях бурно заверяли, что мне сказочно повезло. Какой-то фонд пошёл навстречу и выделил средства. Я оформляла документы, машинально ставила подписи, но почему-то чувствовала в этом руку другого человека. Который не захотел приближаться. Не факт, что захочет и сейчас. Почему я не встретила с ним раньше, раз их с Владимиром связывают общие дела?

– Я тебе кофе принесла, – робко трогает меня за плечо Катя.

– Спасибо...

Беру из её рук блюдо с чашкой и делаю глоток. Горячая ароматная жидкость плюхается в желудок, который тут же принимает её благодарным урчанием, как кот.

– Ты ещё и не ела ничего, – качает головой администратор, – так нельзя, Вась. Сходи, на кухне всегда есть, что стащить. Я вот блинами вчерашними поужинала.

В зал заходит пара девушек, и Катя, заметив их, спешит навстречу. Провожает в гардероб, помогает выбрать столик и приносит меню. Пора и мне заняться аппаратурой. Проверяю зарядку микрофонов, включаю усилитель, настраиваю громкость и ставлю на ноутбуке плейлист из современных треков. Клиенты постепенно рассаживаются за столы, делают заказы официантам и скромно пролистывают песенные каталоги. Начало вечера всегда одинаковое. Все стесняются, ждут, когда градус алкоголя ударит в голову и дойдёт до нужной кондиции, чтобы душа «развернулась» и потребовала коронного «ща спою» или «эй, а поставь вот эту, ну там что-то... пам-пам... гуляли по облакам». Стараясь сдерживать в таких случаях тяжёлые вздохи, улыбаюсь и угадываю песню Земфиры с трёх невнятных слов.

Принимая от официанта первые заказы на композиции, ловлю боковым зрением компанию мужчин и девушек, которая заставляет меня напрячься. Алан привёл свою свиту. Специально. И судя по тому, как одна из особей женского пола вцепилась в его руку, решил

продемонстрировать мне, что он нарасхват. Только эти дешёвые трюки мне давно фиолетово-безразличны. Я даже знаю, что следующим этапом он захочет меня прилюдно унижить.

Не проходит и пяти минут, как Алан встаёт из-за стола и нетвёрдым шагом подходит к сцене.

– Красавица, – широким жестом достаёт из бумажника купюру и хлопает ею по колонке, – спой чего-нибудь про любовь. Прямо душевное, как ты умеешь.

– Конечно, – с дежурной улыбкой киваю ему и оставляю деньги нетронутыми. – Деньги заберите, пожалуйста. У нас оплата песенных заказов входит в общий счёт.

Мысленно благодарю Владимира, что когда-то он разрешил мне не спускаться в зал к клиентам, и сейчас нас с Аланом разделяет пять колонок разных размеров с кучей проводов.

– Гордая, значит, да? – мужчина с яростным блеском в глазах сминает купюру в кулак. – Деньги тебе не нужны. Всё задавался вопросом: откуда у тебя бабло на оплату института? Если ты не воруеть и взятку не берёшь?

Стараясь никак не реагировать на провокации, открываю на компьютере папку с любимыми минусовками. Песня «Вечная любовь» нравится всем: и мужчинам, и женщинам. Уже с первых аккордов барышни тянут сопротивляющихся кавалеров на танцпол. Я ценю моменты, когда можно спеть что-то в своё удовольствие.

– Потанцуй со мной, Вася.

По хриплому голосу и глубокому дыханию Алана понимаю, что он сильно пьян.

– Прости, пожалуйста, но нам запрещено спускаться к гостям.

– Вась, – ко мне подходит официант, – охрану позвать? – косится на Алана с подозрением.

– Всё в порядке, Лёша, это знакомый.

– Ты слышал, Люсик? – бывший парень швыряет смятую купюру на поднос официанту. – У неё всё в порядке, – разворачивается и уходит к своему столику.

Там за ширкуру хватается свою подружку, прижимает к столу попой и, развязно лапая, целует. Фу! Мерзость! К горлу подкатывает тошнота. Заканчиваю песню на морально-волевых, заряжаю очередность минусовок для столика и незаметно сбегая в туалет. Долго держу руки под холодной водой, успокаивая пульс, и делаю несколько глотков прямо из-под крана. И всё равно ощущаю, будто меня окатили помоями.

Спустя пять минут одиночества мне удаётся взять эмоции под контроль, и я выхожу из своего укрытия в коридор. Открываю дверь и не успеваю сообразить что-то внятное, как оказываюсь прижатой к стене.

– Что если мы с тобой уединимся, детка?..

Хриплый голос бежит паникой по позвоночнику вниз. Руки мужчины больно сжимают мои бёдра и по-хозяйски пробираются под край платья.

– Алан, приди в себя! – я пытаюсь не выдавать страха и отвращения. – Меня сейчас начнут искать!

Он одной рукой удерживает мои ладони за спиной, а другой больно сжимает подбородок, заставляя открыть рот и принять поцелуй.

– Отпусти меня! То, что ты делаешь – это низко!

– Низко? – от рыка его тело вибрирует. – Низко – это если я тебя сейчас поставлю на колени и трахну в рот, а пока у нас нежные поцелуи.

Он больно прикусывает мою нижнюю губу, и я срываюсь на всхлип одновременно с криком:

– Пусти!

Зажмуриваю глаза, но вдруг Алан резко отлетает от меня в сторону. Пара секунд, мат, звук хлестких ударов – и бывший парень улетает за дверь. Вижу, что он, как кисель, стекает по кирпичной стене.

– Не благодари, – Ярослав подходит к раковине и смывает с костяшек кровь.

– Как ты здесь оказался? – я слежу за ним как за замороженная, не пропуская ни одного движения и пытаюсь перевести дыхание.

– Банально, – он усмехается, – считай, что повезло.

– Он хотя бы жив?

Замечаю, как пальцы Ярого стискивают вентиль, выключая воду.

– Сходи, проверь, – косо скалится в ответ. – Или, может, я зря вмешался, и тебе на самом деле пожестче нравится? – подходит ко мне вплотную, касается пальцами уголка рта и стирает кровь.

Я машинально облизываю губу языком, ощущая лёгкое жжение и металлический привкус.

– Спасибо, – отрицательно качаю головой, – но он бы не смог меня силой...

– Опыт подсказывает? – его глаза темнеют на несколько оттенков. Ярослав недобро щурится, придвигается ко мне, практически нависая, и делает глубокий вдох.

– В смысле «опыт»? – пьянея от близости мужчины, не сразу понимаю, что он имеет в виду. Когда же смысл вопроса до меня доходит, я не сдерживаюсь от нервного смеха. – Ну так продолжай тогда. Чего теряешься? – отвечаю ему с вызовом. Дура, Василиса, какая же ты дура! – Мне ж по твоей логике ещё и всё равно, с кем...

Ярослав не даёт мне договорить. Стискивает мои плечи и с силой встряхивает.

– Рот закрой, – шипит в самое ухо.

Касается лбом моего виска, обжигая шею горячим дыханием, от которого меня начинает протряхивать. Широкая ладонь ложится на затылок. Его пальцы путаются в моих волосах. Я испытываю от этого какую-то абсурдно сладкую боль.

– Я не доедаю с чужих столов, – добавляет со злостью. Сжимает пряди в кулак, резко меня отпускает и идёт к выходу. Возле самой двери оборачивается. – В отключке твой мужик, – говорит отрывисто, будто выплёвывая каждое слово, – лучше не попадайся ему сегодня.

Вижу, как он пинает в ботинок Алана и выходит. Дверь с грохотом бьётся о косяк.

Только шум со стороны коридора сдерживает меня, чтобы не зарыдать в голос. Ярослав предпочёл поверить в то, что я имею богатых любовников. Наверное, со стороны всё именно так и выглядит... Но какое он вообще имеет право меня унижать? Остро накатившая обида сменяется гневом. Почему я вообще придаю значение его мнению о себе? Он не доедает с чужого стола? ООО!.. От злости голова проясняется. Поворачиваюсь к зеркалу и уже заканчиваю приводить себя в порядок, когда в туалет залетает Катя.

– Вася! Фууух, – увидев меня, она выдыхает. – С тобой всё нормально?

– Как видишь...

– Там такой кипиш поднялся. Бывшему твоему скорую вызвали, – она прислоняется к раковине рядом со мной. – Владимир Сергеевич приехал. Он уже в курсе. Ждёт тебя в випке... Тебе точно помощь не нужна?

– Не нужна. Спасибо, Катюш, – выпрямляю спину, надеваю улыбку и иду в сторону выхода в коридор. – Пошли работать. День ещё не закончился, – не удерживаюсь я от сарказма.

Ярослав

За стол возвращаюсь в неадекват. На рубашке, на руках, на лице – везде запах её духов, он не позволяет отключиться, а я не хочу его смывать. Приятный чёртов мазохизм. Как же хотелось прополоскать с мылом рот от чужих слюней девчонке, а потом зацеловать, чтобы задыхалась. Заласкать красивую дуру до смерти. До своей или до её? Долбаная реальность! От мысли, что этот мудака мог трахнуть её в туалете, меня корёжит. Подмывало сломать слабаку рёбра, но пришлось ограничиться только носом. Больше всего бесит другое. Парню явно было знакомо её тело. У них было. То, что не позволено мне. Какого хера не позволено? Чтобы её вот

так в вонючем сортире нагибал любой мажор? И хлопает же зараза на меня своими невинными глазами...

Получаю под столом пинок от Миши, кое-как всплываю из своих мыслей на поверхность и стараюсь вникнуть в суть разговора.

– Если предприятие не начнёт работать нормально, Елецкий его сожрёт, – брат опирается локтями на стол и впивается глазами в Сергеича. Слишком старый трюк давления на оппонента. – Ты же понимаешь, Владимир Сергеевич, что заводу нужен один хозяин.

– Предположим, я продам вам землю, – владелец бара откидывается на спинку дивана, возвращая себе дистанцию, и складывает руки на груди в замок. – Останется ли на ней завод? Или ты на следующий же день уволишь две тысячи работников, стянешь технику и сравняешь тридцатилетний труд с землёй, чтобы построить очередной отель? Елецкий – только прикрытие. Отец аплодировал бы стоя вашей наглости!

– Я вступил в права наследства, – говорю Владимиру резче, чем нужно, – и в моих интересах оставить бизнес легальным. Все предыдущие договорённости перед Князем закончились со смертью отца. И твоя непричастность к ней, Владимир Сергеевич, ещё не доказана. Посмотри, какой сочный мотив. Может быть, это как раз ты хочешь слить пивоварню конкурентам.

– Ты же знаешь, – цедит сквозь зубы Королёв, – и вскрытие подтвердило, что причина смерти Павла – остановка сердца. Авария произошла уже после. Удивительно, скорее, что он столько протянул на зоне и вообще вышел, – он зеркалит позу Михаила. – Если тебе есть, что предъявить – говори.

Мы скрещиваем с ним взгляды. Острые, сканирующие, на выбывание.

– Да и образ жизни он вёл далеко не монашеский...

– Кстати, о монашках, – Михаил кивает головой в сторону зала. – Тебя, Сергеич, девица ждёт?

Я поворачиваюсь и вижу Василису. Стоит. Не подходит. Ждёт, когда заметят и разрешат. Что за...? Откуда девочка в двадцать лет знает правила поведения?

Владимир кивает ей, и она подходит к столу.

– Здравствуйте... – выдыхает, не поднимая глаз.

– Сядь, Вася, поешь пока, – он ставит перед ней тарелку, а я еле сдерживаюсь, чтобы не смести нахрен всю жрачку со скатерти. – Я ещё не закончил.

– Сергеич? – Михаил удивлён не меньше моего и внимательно разглядывает вновь прибывший «цветочный экземпляр».

– Своя она, – опережает все вопросы Владимир.

– Или твоя? – скалится брат.

Меня вспенивает. Пульс выколачивает вены в ожидании ответа.

– И это тоже, – отвечает Владимир на полном серьёзе.

Ну пиздец! Незаметно сжимаю-разжимаю кулаки. Если не уйду прямо сейчас, то завалю его.

– Срок тебе до завтра, Королёв, – встаю за столом в полный рост и швыряю тканевую салфетку в тарелку.

Вася вздрагивает, поднимает глаза, и я читаю в них настоящий животный страх. А мне насрать, детка! Её припухшие губы дёргаются. И я, несмотря ни на что, хочу их!

– Будь здоров, – Михаил встаёт следом за мной. – Подумай хорошо, Сергеич. Пора нам договориться.

– Я вас услышал, – Владимир наливает себе в стакан сок, давая понять, что роль радушного хозяина завершена. – И девочек своих соберите по периметру. Их катафалки квадратные народ распугивают.

– Завтра в семь потрудись быть на месте.

Не могу отказать себе в удовольствии и напоследок задеваю рукой бокал. Он разлетается по кафелю стеклянными брызгами. Это для неё. Ей хватит. Только легче не становится нихрена.

Василиса

Хруст битого стекла стоит в ушах. Я точно знаю, что этот жест Ярослава предназначался мне. Полное презрение. Холодное и острое.

– О, Господи... – падаю лицом в ладони.

– Вася...

Я не вижу Владимира, но точно знаю, что сейчас он зажимает правый висок. Всегда так делает.

– У меня тоже был тяжёлый день. Ещё и Настя в кабинете бухая спит. Давай по старой схеме. Минуту рыдаешь. Я жду. Потом – только конструктив.

– Мне не нужна минута, – поднимаю на Королёва глаза.

Он внимательно смотрит на меня несколько секунд и кивает головой.

– Из больницы отписались. У парня того лёгкое сотрясение и перелом носа. Расскажи всё, что знаешь о нём. Правду!

– Алан в параллельной группе учится. Мы встречались месяца три, а потом... Он резко изменился. Начал пить, ревновать, стал давить по поводу интимных отношений. А чем он больше давил, тем мне меньше хотелось... – голос оседает. Мне неловко рассказывать подробности. – Он как-то сказал, что я – фригидная...

– Вася... Почему ты не пришла ко мне? – строго, с низкой вибрацией в голосе.

– Он не делал ничего страшного... – я неопределённо пожимаю плечами в ответ. – Да и думала, что пройдёт. У него отец неожиданно объявился в городе. Раньше только деньги высылал, а тут общаться начал.

– С этого момента подробнее.

По давящей интонации понимаю, что Владимиру интересен отец Алана.

– Ты знакома со старшим Елецким?

– С кем? А... – в мои руки попадает салфетка, и я машинально кромсаю её на кусочки. – У Алана фамилия матери. Я никогда не встречалась с его отцом. Он только сказал ему, что я русская, познакомиться хотел, а тот скандал затеял. Выбрал сыну какую-то дочь друга. Выгодный брак и все вытекающие.

– Понял, Василиса... – голос становится мягче. – Мужчины всегда будут пытаться подвинуть твои границы. Будут относиться к тебе ровно так, как ты позволишь. Если ты что-то не позволяешь, а они с этим не согласны – самое время уходить.

– Тогда... – я набираю в лёгкие воздух, готовясь в очередной раз отстаивать отказ от дорогих подачек, – что за история с машиной? Анастасия Ивановна рвала и метала...

– Я действительно купил тебе машину. Настя увидела документы на столе, – в ответ спокойно, будто это не машина, а шоколадка, только с марципаном.

– Я не приму! Это слишком дорогой подарок. Про нас с вами и так думают плохо... – нервничая, начинаю тараторить, но Владимир меня прерывает.

– Заканчивай истерику, Василиса, – неожиданно он накрывает мою руку своей и легко сжимает, – не злись на малость. Ты же знаешь, что своих детей у нас с Настей нет. На стороне тоже не случилось. Квартира у тебя есть, учёба оплачена до конца, машина... Даже если ты не будешь ездить на ней, то в случае чего всегда сможешь продать. Ты понимаешь...?

– Не хочу понимать, – упрямо сжимаю губы и не мигая смотрю в тарелку перед собой.

– Иди работай, Василиса...

Ухожу из кабинки быстро, на Владимира не смотрю. Мне не нравятся его намёки, не нравятся вопросы. Почему-то до сегодняшнего дня я не осознавала, насколько жесток может быть криминальный мир. Я просто не думала об этом, видя только верхушку: переговоры, дорогие машины, красивые, часто сменяющиеся женщины, какие-то широкие жесты в сторону депутатов и иногда полиции. Все эти дорогие украшения на праздники... Теперь они тоже кажутся подготовкой «на всякий случай»...

Машинально ставлю композиции. Тем, кто сильно лажает – подпеваю. И медленно осознаю, что как бы ни строила из себя гордую, жить без мужской помощи не умею. Я совершенно тепличная. Сначала за меня всё решал брат, а потом появился Владимир... Что бы я делала, как жила, если бы мы не встретились? Ощущаю острую потребность извиниться перед ним. Загружаю плейлист и иду к его кабинету. Стучу, прислушиваюсь. Тишина... Выхожу на ресепшн.

– Кать, ты Владимира Сергеевича не видела?

– Он уже уехал. Жену домой повёз, – Катя оглядывается по сторонам и говорит так, чтобы нас никто не слышал: – Просил передать тебе документы, Вась. Я посмотрела, прости. Он чего, правда вот так взял и машину подарил?

– Правда, Кать, – я хватаюсь за горло от осознания цены подарка. – Не говори никому, пожалуйста.

– Я обещаю.

Василиса

– Таким образом, морские победы Петра первого были достигнуты старым гребным флотом... Архипова! – громкий оклик преподавательницы заставляет перевести взгляд от окна на кафедру. – Если вам так откровенно скучно на консультации, я могу принять экзамен у вас прямо сейчас и отпустить с миром.

Жёлтый свет ламп в аудитории отдаётся резью в глазах. Сердце начинает колотиться так сильно, что мешает сделать полный вдох. Зря я пила кофе из автомата. Проснуться не получилось, только тахикардия и тошнота добавились.

– Ну что вы молчите, Архипова? Билет тянуть будете? – преподавательница подходит к моей парте. – С вами всё хорошо? Вы побледнели...

До моего носа долетает запах восточных масел, и кофе из желудка подкатывает волной к горлу.

– Можно выйти? – хватаю вещи и срываюсь вниз по лестнице к выходу из аудитории.

В коридоре жадно хватаю ртом свежий воздух, и мне становится легче. Да что со мной? Какая-то совершенно беспричинная паника. Даже руки трясутся. Ну да, день начался по-дурацки. Кофе сбежал. Пока вытирала плиту, сожгла утюгом блузку. Соседская собака в лифте целоваться полезла и оставила следы грязных лап на джинсах. Спала тоже плохо, поэтому под утро, провалившись в глубокий сон, из всех заведённых на телефоне будильников услышала только третий... Наверное, возвращаться на занятия уже нет никакого смысла, лучше поехать домой и отдохнуть. Может, даже ванну с пеной принять. Девчонки на восьмое марта всякой косметической ерунды надали: соли, бомбочки, гели с блёстками. Всё никак руки не доходили их попробовать.

В такси пытаюсь дозвониться до Владимира ещё раз. Не отвечает. Это очень странно, обычно он перезванивает мне при первой возможности. А тут – полдня тишина. Беспокойство всё нарастает. С ненавистью смотрю на каждый красный сигнал светофора, на каждого пешехода, который перебегает проезжую часть, заставляя водителя притормаживать. Хочется поскорее оказаться дома, выпить таблетку от головы и перекусить.

Свет в подъезде не горит. Конечно, темнота не кромешная, но камеры наверняка ничего не запишут. С тех пор, как в цоколе соседнего дома открыли пивной магазин, и в наш подъ-

езд стали ходить по нужде его постоянные клиенты, мы поставили ещё и домофон. Но сердобольные старушки открывают всем «почтальонам». Можно подумать, что действительно писем ждут. Нажимаю кнопку лифта и не отнимаю палец в надежде, что так коробка придет быстрее. Бред, но руки занимает.

Двери с писком открываются, и из кабины вываливается странный парень, наглухо одетый в чёрное. Мне становится не по себе. Делаю вид, что пропускаю его, а сама жмусь к дверям квартир. В кабину решаюсь зайти только после того, как дверь подъезда закрывается. Фух!

Ключ в замочной скважине проворачивается с трудом, как в банке, будто резьбу спилили. Поджимаю дверь плечом и открываю. В нос бьёт незнакомый запах пота и табака.

Ну всё! Решительно делаю шаг в квартиру и захлопываю дверь. Хватит, Вася, параноить. Наверняка кто-то из соседей в санузле покурил. Муж соседки так любит делать. Пара в ванне напустит, типа моется, а сам с сигаретой под вытяжку. Моя бабуля тут же его сдавала. Так соседки и подружились.

Хм... Чувство, что в квартире был кто-то чужой, не покидает. Вот! Белая сумка висит на спинке стула поверх красной, а должна быть в самом низу. Я её только по выходным под кроссовки надеваю. Могла сама перевесить? Да могла... На столе тоже всё не так... Покрываясь ледяной испариной, подхожу к книгам ближе и переворачиваю открытую. «В 1727 году на престол вступил внук великого Петра Пётр II, тоже Пётр Алексеевич. Его короткое царствование своей сумбурностью...» Я не могла оставить учебник на этой странице! Это тема следующего семестра!

Что за ерунда? Страшно! Окидываю взглядом комнату, нахожу пульт и включаю телевизор. Весёлая музыкальная заставка заполняет пространство. Прокладки, детское питание, зубные пасты сменяются на экране бесконечным калейдоскопом с разным уровнем громкости. Истерика отпускает. Дом с включённым телевизором на фоне мне всегда кажется более уютным. Вот такие спецэффекты одиночества. Понапридумывала себе ерунды. Учебник тоже могла сама переложить.

Ухожу на кухню, делаю себе пару бутербродов с чаем и возвращаюсь в комнату. Сажусь в кресло, хочу переключить канал на музыкальный, но взгляд фокусируется, а датчик громкости машинально взлетает до максимума.

«...владелец известного караоке-клуба «Ночь» Королёв Владимир Сергеевич был застрелен в машине возле собственного дома. По оперативным данным убийство произошло поздней ночью...»

Женщина с идеально зализанной головой продолжает вещать с экрана. Периодически картинку сменяют фотографии с места преступления. Что-то большое, неконтролируемое рождается внизу живота, бежит тремором по позвоночнику, надувается внутри, как воздушный шар, и душит, давит, душит...

– Ааааа! – меня разрывает, скручивает от фантомной боли пополам. Кружка, тарелка летят на пол. Несколько минут я даже не замечаю, что моим щекам текут слёзы, что одежда мокрая от чая.

«Надо позвонить...» – срываюсь в прихожую, сажусь на пол, беру сумку и высыпаю её содержимое прямо на паркет. Телефон... Разгребаю руками расчёску, жвачку, блеск для губ, нахожу мобильник, и он начинает вибрировать в моих руках.

– Алло, – отвечаю, не глядя на экран.

– Василиса Олеговна? – в трубке мужской голос.

– Это я...

– Следователь Носов. Очень хотелось бы поговорить с вами, не дожидаясь повесток, так сказать.

– По какому вопросу? – спрашиваю тупо. Сознание не желает мириться с услышанной новостью.

– Вы проходите свидетелем по делу об убийстве Королёва Владимира Сергеевича. Вам знаком этот человек?

Меня передёргивает от его слов.

– Знаком... – выдыхаю в трубку.

– Тогда жду вас в отделении. Адрес вышлю сообщением.

Сбрасывает. Я подтягиваю ноги к груди, обнимаю колени и заваливаюсь набок. Сон слепляет веки, и стресс, включая защитную реакцию, размазывает реальность на пару часов.

Василиса

Тяжёлая железная дверь грохает за спиной, заставляя подпрыгнуть на месте. Но не от страха, а скорее от того, что дома я напилась валерьянки, и теперь все мои реакции заторможены. Переступаю через облезлый порог, каблук цепляется за мокрую серую тряпку. Я машинально вытираю ноги. Взгляд рассеянно блуждает по помещению. Стены отделаны дешёвой пластиковой вагонкой, в конце коридора небольшой холл со старыми письменными столами, распахнутыми абы как по углам, и несколько чёрных стульев с потрёпанными сиденьями. Десятки информационных досок с объявлениями, ориентировками, расписанием и прочими бумагами развешаны как в картинной галерее. Запах затхлый, спёртый. Жарко, хотя на улице около плюс двадцати. Справа большое аквариумное стекло «Дежурная часть». За ним за столом перед компьютером сидит грузный мужчина.

– Здравствуйте! – робко стучу в стекло.

Заметив в ушах дежурного наушники, стучу сильнее. От вибрации с перегородки соскакивает ключ и плюхается в чашку с чаем. Жидкость выплёскивается на клавиатуру, и полицейский подскакивает с места.

– Не понял! – вырывает из ушей наушники и грозно впивается в меня глазами. – К кому? Чего надо?

– Кк... – язык прирастает к нёбу, и я несколько раз сглатываю слюну, чтобы продолжить, – к Носову.

– Сто двенадцатый, – мужчина машет рукой в сторону коридора и моментально теряет ко мне интерес.

Сто второй, сто пятнадцатый, тридцать первый... По какой логике здесь нумеровались кабинеты? Уже ищу в кармане телефон, чтобы набрать следователя, как одна из дверей открывается, и из неё выходит жена Владимира с каким-то мужчиной.

– Решим вопрос, Анастасия Ивановна, – он подаёт ей в руки сумочку, – отдыхайте.

А я не могу понять, что во всей этой ситуации мне кажется странным. Белоснежный брючный костюм? Глупо даже было предполагать, что она наденет чёрное платье. То, как фамильярно она ведёт себя со следователем? Да она и при муже не стеснялась. Макияж! Да! Идеальный ровный макияж человека, который не предполагает слёзы! Ну теперь-то она будет гулять, пока не промотает всё наследство. Думаю, что до конца жизни ей хватит за глаза.

Носов провожает Настю до выхода, я слышу уже знакомый лязг железной двери. Возвращается в коридор и видит меня.

– Архипова? – его брови сдвигаются к переносице, а я коротко киваю в ответ. – Прошу, – следователь распахивает дверь.

Делаю шаг в небольшой кабинет без окон. Слева стол, доверху заваленный бумагами и папками. На правом стоят компьютер и две чашки: одна немытая, а вторая с остатками вонючего растворимого кофе, пачка сигарет, открытая бутылка воды и яркая настольная лампа, которая является основным источником света. Несколько стульев расставлены по периметру между шкафами.

– Садитесь, – кивает мне на стул и направляется к рабочему месту. – Паспорт с собой?

– Да, – достаю из сумочки документ, но не подаю следователю в руки, а просто кладу на стол.

Касаться этого мужчины не хочется даже случайно. Носов опускается в кресло и молча листает страницы короткими пальцами. Следа от обручального кольца нет. Меня внутренне передёргивает – неприятный тип. Ему около сорока. Взгляд липкий, сканирующий.

Воздух вокруг нас тяжелеет от молчания.

– Значит, Архипова Василиса Олеговна, – задумчиво постукивает ребром моего паспорта по столешнице, – двадцать лет отроду, – с противным скрежетом подкатывается к столу вплотную, наклоняется ближе ко мне. – Одна живёте?

– Одна... – отвечаю растерянно.

– Родственники?

– Близких нет...

– Любовник?

Обдаёт запахом сигарет изо рта, и я перестаю делать глубокие вдохи.

– Его тоже нет...

– Что же вы, Василиса Олеговна, такое странное место работы выбрали? С виду – приличная девушка. А всё туда же...

– В клубе всегда было всё прилично, – несмотря на действие успокоительного, стискиваю зубы. – Там, если хотите знать, даже закрытых чилаутов не предусмотрено!

– Ну ладно вам, – губы следователя трогает циничная усмешка. – Хорошие девочки кричат: «Свободная касса!» и в супермаркетах макароны на полки выставляют, – он на секунду откатывается к соседнему столу, берёт папку и достаёт из неё бумагу. – А вы вот вчера машину в подарок получили, – передо мной ложится договор купли-продажи. – Или вы хотите сказать, что сами заработали?

– Это подарок, – тихо отвечаю, вспоминая последний разговор с Владимиром. Я не успела извиниться... К глазам подкатывают слёзы. – Расскажите мне, пожалуйста, как с ним... – горло перехватывает, не давая закончить фразу.

– Вот вы и напишете, – Носов кладёт на стол чистый лист бумаги и ручку.

– Что напишу? – тарашусь на белое полотно.

– Чистосердечное, Василиса Олеговна, кому любовника заказали, – он резко встаёт с кресла и обходит меня со спины. – Или ты, сука, думала, что наследство переписать успеешь? Так вот пока ты подозреваемая, ты ничерта с ним не сможешь сделать! – рычит мне в самое ухо.

Меня колотит от страха.

– Какое наследство? – выдавливаю, медленно дурея от запаха никотина. – Квартира бабушкина, брата и моя всегда была, машину могу на кого угодно переписать. А больше... – обхватываю себя за плечи, чтобы не трястись, – больше ничего нет у меня.

– А это? – он швыряет на стол несколько листов и резко вжимает меня в них лицом. – Хочешь сказать, что не знала? Не знала, что Королёв переписал на тебя огромный кусок земли с заводом? – орёт мне в затылок и отпускает.

Истерика душит, глаза застилает пеленой, я не могу прочитать ни единой строчки.

– Пожалуйста! Ик... – к слезам добавляется икота. – Я ничего не соображаю... Я никого не заказывала... – стекаю со стула на пол, чтобы Носов больше не мог меня тронуть.

– Все вы охренительные актрисы, особенно, когда кончаете, – сплёвывает зло, и на мою голову течёт вода. – На место села. Быстро!

– Мне... – цепляюсь руками за стул, – мне адвокат положен. Я больше не стану говорить.

– Тебе меня мало? – Носов хватает за волосы на затылке и рывком сажает на стул. – Третьего позвать хочешь?

– Пожалуйста... – от ужаса не могу больше произнести ни слова.

– Вообще, – шершавая ладонь неожиданно отпускает волосы и скользит по мокрой от слёз щеке, – жалко отдавать тебя на зону. Я могу помочь, – пальцы сжимают подбородок, и меня сильно передёргивает. – Не дёргайся.

Его большой палец обрисовывает рот и с силой вдавливается между губ. Я ощущаю на языке горечь смолы, смешанной с солёным привкусом грязной кожи. Рвотный рефлекс срабатывает позывами моментально.

– Ты не вздумай, мать твою! – отскакивает он в сторону.

А я реально жалею, что тошнота проходит. И у меня не получается ещё раз вызвать его брезгливость. Мразь! Долбаная мразь!

– Какие у меня варианты? – вытираю губы тыльной стороной ладони и истерично усмехаюсь. – Спать с тобой – и меня никто не обвинит в убийстве? Так ты сначала докажи, следователь, – я падаю на нижние глубины страха, когда мозг проясняется и перестаёт ощущаться боль.

– Не сомневайся! – подлетает ко мне и прихватывает за шею, заставляя смотреть в залитые яростью глаза. – У ног моих будешь ползать!

– Да я лучше сдохну, – шиплю в ответ.

Получаю хлёсткий удар в скулу и слетаю на пол. Знает, куда бить, сволочь. Несколько секунд в голове стоит звон. Пользуюсь падением как передышкой и возможностью подумать. Я ведь могу написать отказ от наследства в пользу любого человека. Зачем такие сложности? Зачем пытаться меня посадить? Просто за сговорчивость? Мысли начинают спотыкаться о шум. Два мужских голоса. Ещё двое? Закричать? А если будет только хуже?

Открываю глаза в тот момент, когда в кабинет врывается Ярослав. Он в секунду оценивает обстановку. Вижу это по его дёрнувшемуся кадыку и учатившемуся дыханию.

– Вышел, капитан! – разрезает громом тишину кабинета.

Его приказ нельзя проигнорировать. Кажется, вышел бы даже генерал, а Носов замер и жмётся. Он боится?

– Нахрен, я сказал!!!

Ярослав звереет, повышая децибелы голоса, и следовательно вытекает по стенке за дверь.

– Встань, Вася...

Теперь приказ мне, но я просто не могу этого сделать. Ложусь ноющей щекой на стул и прикрываю глаза. Ярослав оказывается рядом, дёргает меня вверх, как пушинку, подхватывает и сажает попой на стол.

– Что он сделал?

Его руки ощупывают меня на предмет травм. Дотрагиваются до лица, и я вздрагиваю от боли.

Ярослав

Боль в плече привычна. Перманентна и надоедлива как жужжание комара. Она – живое напоминание того, что каждый день мы делаем выбор. Правильный или нет, становится понятно позже, но ответственности это не снимает. Позади три месяца больницы и полгода реабилитации. Сейчас я уже свободно сплю на боку, выдерживаю спарринг, плаваю, таскаю железо. Вот только полноценный сон не вернулся. Я по-прежнему не умею отключаться, всё время нахожусь в полуяви, готовый в любой момент выдернуть из-под подушки ствол. Брат настойчиво советует заменить металл на выносливую девку, но я не привык засыпать в одной постели с тем, кому не доверяю. Даже если до этого её рот высосал мой член до капли. Этого добра мне не жалко, как и баланса на карточке.

Секретарша, эффектно наклонившись над столом, ставит передо мной третью за утро чашку эспresso. Не реагирую. Если будет и дальше выставляться – уволю, хоть и обещал всем

сотрудникам, когда занял пост генерального директора, что рабочие места сохранятся. О том, чтобы оставить предыдущего директора на предприятии, не могло быть и речи. За пять лет управления тот успел насобирать себе откатов в пять раз больше, чем официальная зарплата. А когда понял, что задница подгорает, слил коммерческую инфу Елецкому. Бездоказательный факт. И только поэтому бывший работник до сих пор не выехал на «лесную экскурсию».

От отчётов отвлекает резкое хлопанье двери в приёмной.

– Где твоя секретарша? – Михаил открывает дверь кабинета и пересекает его размашистым шагом. Замечает Нику рядом со мной и брезгливо хмурится. – Выйди, – кивает ей. С раздражением провожает взглядом и шлёпает мне на стол пухлый конверт. – Договорился? Переговорщик херов! – по скулам ходят желваки. – Ну! Любуйся!

Открываю конверт, достаю бумаги и пробегаю глазами первый абзац. Останавливаюсь. Делаю глоток кофе и перечитываю ещё раз. Интересно, однако...

– Это завешание Королёва? Откуда оно у тебя?

– Оттуда, блять! – брат взрывается. – Курьер из рая принёс! Практически в прямом смысле, – хватает мою чашку, допивает кофе одним глотком и морщится: – Ну и гадость... Застрелили нашего Королёва сегодня ночью возле дома. И мы с тобой – не самые последние подозреваемые.

– Дела... – пролистываю страницы, не понимая, в чём причина бесива. – Кто наследник? Жена?

– Неет, – едко цедит Михаил, – Архипова Василиса Олеговна. Девка эта, что вчера с нами за столом сидела.

Да ну нахрен! Давление бьёт в голову. Я почти убедил себя, что погорячился. Как же так, девочка? Маленькая шустрая сука! Пальцы стискивают край стола.

– Подробности! – мне нужно несколько секунд, чтобы привычно выключить эмоции и оставить холодный разум. Три, две, одна... Выдыхаю... – Кто исполнитель? Кто прикрывает?

– А вот тут – лажа полная. Все, кто знал близко Владимира, говорят, что Василису эту он берёг и в дела, кроме клуба, не посвящал. Не готовил он из неё наследницу, – разводит руками.

Берёг, значит... Только от одной мысли, что Василиса действительно не выглядела рядом с ним испуганной или обречённой, меня начинает лихорадить. Значит, всё добровольно? Пропускаю по позвоночнику холодную дрожь, представляя её нежное молодое тело под мужиком шестидесяти лет. От осознания того, что Королёва больше нет, испытываю странное животное удовлетворение.

– Он просто подставил её, – пожимает плечами Михаил. – По какой-то причине подстраховался от прямой наследницы. Но умирать не собирался. Я больше чем уверен, что сегодня мы бы подписали договор. А теперь – гонка на выбывание, – он усмехается. – Жалко её. Кто первый доберётся, тот и порешает. Нужно, Ярый, чтобы первыми были мы. Пока о завещании знаем только ты, я и вдова Королёва. Но это вопрос суток.

– Где она? – выдыхаю сквозь зубы.

– Парни пасут её от института. Минут десять назад отзванивались, сказали, что такси к шестому отделу вызвала.

– Это плохо, Миха, – я не могу сдержать страх за неё. Плохо это. Что буду делать? Любопытствую? Ай! – Её ж и там могут прессануть.

– Что решать будем? – брат смотрит на меня с подозрением. – Парни упакут девочку, как от следака выйдет. Надо с ним побазарить, кстати. Кто-то из бойцов шепнул, что Носов – редкой продажности псина.

– Я сам, – говорю жёстко.

Миша поднимается во весь рост.

– Объяснись, – едва сдерживаясь и с нажимом.

– Не отдам я её, – смотрю брату в глаза и сдаю себя. По его охреневшим глазам понимаю, что сдаю. – Эта Василиса – сестра одного из моих парней. Тех.

– Почему теперь мне хочется её грохнуть ещё сильнее? – вкрадчиво и едко.

Ты прав, брат. И да, наши желания охренеть как совпадают!

– Почему вчера не сказал?

– Поехали, прокатимся, – встаю из кресла. – Отправь Гошу с парнями дорогу до дома проверить. Не надо ему её видеть.

– Нет, Ярый! – он догоняет меня в дверях и хватает за больное плечо. Логично, да...

– Больше некуда, – стряхиваю его и выхожу к лифтам.

Не сговариваясь, рассаживаемся с Михой по разным машинам. Ещё две отправляем домой. Безопасность не помешает. При самых хреновых раскладах мы – следующие в очереди на вечный покой. Но не за этим я развязался с одним адом, чтобы, как крысу, задавили в другом. Главное – понять, чей расклад.

В отдел захожу с двумя парнями. Дежурный спит. Охренительно! Бью в стекло кулаком. Тюлень подлетает и бьётся башкой о полку. Брезгливость скрыть даже не пытаюсь.

– Носова кабинет?

– Сто двенадцатый, – хлопает глазами.

Хомяк, блин, в банке, а не мент. Движемся вглубь коридора.

– Но у него посетитель! – писк в спину.

Да без тебя я знаю.

– Разбежались, – командую ребятам, – кабинет смотрим.

Слышу тихий грохот в конце коридора. Там. Забрало опускается. Она там. Пять секунд до кабинета. Рву дверь. Даже не заперто! А дальше – картина на убой. Я тебя уничтожу, Носов! Кто бы за тобой не стоял.

– Выйди, капитан! – утекай, гнида. Не искушай меня. – Нахрен, я сказал!!! – срываюсь и прикрываю глаза. Собираю всю силу воли, чтобы не прикасаться к девушке. – Встань, Вася.

Но её реакция сбивает меня с толку. Облегчение и усталость. Без истерики, почти апатична. Что он сделал? Хватаю Василису под мышки и сажаю на стол. Ощупываю тело, стараясь не превращать необходимость в нежность. А только этого мне сейчас и хочется. Её запах всасывается в кровь вместе с кислородом. Неотделимо. Он именно там и нужен. Абсурдно, необъяснимо, тупо, на уровне инстинктов. Касаюсь скулы – вздрагивает. Сука! Как неосмотрительно, капитан! А если бы она дёрнулась? Побой на лице? Да ты либо непроходимый жадный дебил, либо – смертник.

– Тебе придётся поехать со мной, – хочу, чтобы это звучало для неё как приказ.

– Отпустите меня, – она поднимает глаза. В них слёзы.

И я не могуууу! Аккуратно прижимаю к себе. Девочка...

– Я напишу всё, что надо, и уеду. У меня дом в деревне. Пожалуйста...

Отдёргиваю руки. Шаг назад!

– Тебя убьют, Вася. Задним числом можно переписать любой документ, – говорю ей правду, чтобы сказать? Или чтобы напугать? Низко, Ярый. Это плохая игра.

– И ты? – не мигая, смотрит прямо в глаза.

Смелая птичка. Вот поэтому я рядом с ней сейчас. Почему именно она? Аааа! Хочется приложиться о стену головой. Девушка успевает оценить по-своему моё молчание.

– Тогда я хочу, чтобы это был ты. Пожалуйста... – облизывает сухие губы. – Только чтобы сразу, как Владимира.

Я впадаю в ступор. Первый раз в жизни. О чём сейчас она меня попросила? Василиса реально думает, что Королёв на нас? Она имеет на это все основания. И я говорю то, что совсем ничего не изменит:

– Это не мы...

Выдыхает? Она выдыхает?

– Ярый! Ехать надо!

В кабинет заходят парни. Чувствую, что Вася съёживается, как пружина. Спрыгивает со стола и обходит меня бочком, не касаясь. Забирает со стола свой паспорт, кладёт его в сумочку.

– Я готова, – тихо, но уверенно.

Нет, девочка... Это я готов! И понятия не имею, как дальше...

Ярослав

Я вижу, как нервно вздрагивают плечи Василисы, когда мы выходим из здания на улицу. Чёрные тонированные мерсы «в круг», фаршированные плечистыми мужиками, выглядят внушительно. Любая другая на её месте уже колотилась бы в истерику, а эта умудряется оглядеться по сторонам. Не убежишь, не думай даже. Миха курит, привалившись к крылу машины. Увидев нас, отшвыривает сигарету, морозит меня взглядом и даёт отмашку парням паковать. В моём автомобиле остаётся только водитель.

– Давай, – я открываю дверь, пропуская Василису на заднее сиденье.

Она выполняет приказ безропотно. Забивается в самый дальний угол салона и впирается глазами в окно. Взгляд стеклянный. Сажусь рядом с ней и на всякий случай блокирую двери.

Понимаю ли я, что нас теперь будут нагибать? Конечно. Сейчас меня больше волнует вопрос, что делать с Василисой? Организовать домашнюю тюрьму на неопределённый срок? Ну допустим. Где гарантии, что до неё не доберутся? Их нет. Кидаю взгляд на девушку. Что же ты такая красивая, зараза? Как я буду спать с тобой в одном доме? Безумно хочу. Всю. Хочу посадить к себе на колени, врезаться языком в рот и затерзать сочные губы со смазанным блеском. Отрицать очевидное глупо. Я просто зависаю на тонкой шее, ключицах, аккуратной груди, которая вздымается рывками, натягивая пуговицы на платье. Сколько мужчин касалось тебя? Что ты им позволяла? Да ну нафиг! Ревность распаляет желание проверить, но куда уж сильнее пугать девочку! Что-то ты совсем потёк, Ярый. Чем тогда лучше всех остальных?

Самое хреновое, что придётся доверить её Гоше. Это его работа. И что-то мне подсказывает, что товарищ будет не против такой перспективы. Ощутимо быюсь затылком о кожаный подголовник.

– Я могу спросить, куда еду? – Василиса резко поворачивает лицо ко мне.

– Можешь, – киваю ей.

– И куда?

– Ко мне домой.

Сглатывает.

– Надолго?

– Думаю, что да. Пока всё не успокоится.

Она как-то подозрительно спокойно кивает головой.

– Ярослав! – меня окликает водитель. – Гайцы на повороте. Останавливаться будем?

– Погоди, Валер.

Вижу, что один из патрульных движется к краю дороги, чтобы махнуть нам жезлом. Что не так? Я настораживаюсь. Быстро осматриваю местность. На перекрёстке по разным обочинам ещё две остановленных тачки. Манёвр напрягает. С одной стороны, может быть, случайность, а с другой...

– Ярый, на них броники!

– Газуй!

Машина резко дёргается, и Вася с криком падает лицом на кожаное сиденье как раз в тот момент, когда с её стороны по стеклу прилетает несколько пулевых ударов.

– Вы как, Ярый? – на панели голосом Михаила оживает рация.

– Всё в порядке! Разберётесь?

Подтягиваю трясущуюся девушку к себе. Носов... Больше никому! Сука!

– Уезжайте! – рычит брат.

Начинается...

– Тихо, тихо, – прижимаю к себе.

Василиса всхлипывает и лупит меня руками в полной истерике.

– Пожалуйста, не надо! Не трогай меня!

Вот теперь сорвало. Крепко перехватываю тонкие запястья и укладываю девушку на себя.

– Успокойся, машина бронирована, мы уже далеко, – но она меня не слышит. – Валера, вода есть?

– Нету! – отвечает, не отрываясь от дороги.

Нужно её как-то перезагрузить. Включить инстинкт самосохранения. Хватаю шёлковый воротник платья, рву пуговицы и накрываю руками грудь в тонком кружеве. Меня самого прошибает разрядом в двести двадцать! Идеальная... Ложится в ладонь. Твою ж мать! Дышу ей в затылок, а так хочется зарычать и пройтись зубами по кромке её ушка. Перекаत्याю под пальцами затвердевшие соски. Василиса вздрагивает, я чувствую, что истерика утихает, уступая место нервным вибрациям позвоночника.

– Я не дамся, – тихий хрип и следом глубокий вдох.

Отпустить! Как? Отдёргиваю руки и отталкиваю её от себя.

– Ты обольщаешься, девочка. Это была терапия. Не более.

Хлопает на меня пьяными глазами, запахивает платье и снова забивается в свой угол. Полная жесь! Меня самого трясёт от нервного возбуждения. Что же ты наделал, Королёв, мать твою?! Нахрена всё так усложнил?

За окном начинается территория закрытого посёлка. Можно расслабиться. По всему периметру дежурит охрана. Заезжаем во двор, тормозим, к машине спешат ребята.

– Что за?.. – Гоша видит следы пуль на стекле. – Бля, Ярый, я всё проверял.

– Всё в порядке, – хлопаю его по плечу, – этот хвост после прилип.

Следом за мной из машины выходит помятая Василиса, и Гоша замирает на ней глазами. Ну круто, блин!

– Девушку в дом, – киваю Валере, – на второй этаж.

– Покурим, Ярый? – Гоша недобро разглядывает разодранное платье Василисы.

Отходим в сторону.

– Ты же её не тронул? – с угрожающей интонацией. Сверлит меня взглядом, прикуривая сигарету.

– Если ты о внешнем виде, то это была вынужденная мера, – стараюсь говорить беспристрастно.

Но моего начальника охраны всё равно подрывает:

– Какого чёрта она здесь делает? Объяснишь?

– Сегодня ночью кто-то завалил Королёва. А Архипова проснулась богатой наследницей.

– Почему не жена? – Гоша втягивает в себя полсигареты за одну тягу и прикуривает от окурка вторую сигарету.

– Потому что есть завещание...

Телефон в кармане оживает.

– Миха? – отхожу от приятеля на несколько шагов. – Носова взяли?

– Нет! – мечет со злостью брат. – Его либо кто-то качественно прикрыл, либо уже заткнул.

А у нас с тобой нарисовалась ещё одна проблема.

– И какая? – я уже ничему не удивлюсь сегодня.

– Князь в город пожаловал. И приглашает нас в гости.

– О... – не сдерживаюсь от сарказма. – Вороньё слетается. Назад подарки хочет?

– Вот прикажет он девку твою завалить, тогда и похихмишь!
Миша лютует и не выбирает выражений, хотя... Так ли уж он не прав?

Василиса

Больше всего на свете мне сейчас хочется проснуться и понять, что это был кошмар. Такой очень реалистичный дурной сон. Прядь волос падает на лицо, я касаюсь щеки, чтобы убрать волосы за ухо, и вздрагиваю от боли. Не сон. Зачем Владимир так поступил со мной? Ведь оставить всё имущество жене – это так логично. Зачем написал это чёртово завешание? Чего добивался? Ещё вчера он был для меня воплощением защиты и надёжности, а сегодня его больше нет, и я должна сказать «спасибо» за свою жизнь человеку, которого боюсь. Я их всех боюсь. Разве ЭТО жизнь? Затаиться в чужом доме, бросить институт и ждать, пока тебя все забудут? Можно рискнуть и попробовать убежать. Но что-то подсказывает мне, что Ярослав сказал правду. И в ближайшее время только рядом с ним я буду в относительной безопасности. А если говорить точнее – в полной зависимости от его воли и благосклонности.

Несмотря на то, что я хочу верить в их непричастность к смерти Владимира, полностью быть уверенной не могу. Мотив есть самый прямой. Меня очень пугает, что я не испытываю отвращения, когда Ярослав меня касается. Скорее, наоборот, мне хорошо в его руках. И я чувствую, что ему нравится меня трогать, даже если потом он без сожаления отступает, пытаясь указать место. Мужчинам вообще проще думать, что женщина легкодоступна, что они не делают ничего необычного для неё, позволяя себе откровенные вольности.

В доме тишина. Я лежу на кровати с закрытыми глазами и не имею ни малейшего желания шевелиться. По-хорошему – нужно умыться, привести себя в порядок и попытаться поговорить с Ярославом. Мне хочется поскорее подписать все документы. Ведь он наверняка ждёт от меня того же, что и все – отказа от наследства в свою пользу, а оставляя в живых – рискует. Что же в этой земле такого?

Вопросы кружатся в голове нестройным роем, не давая нырнуть в спасительный сон. Неожиданно дверь в комнату открывается, и я слышу звон посуды. Серьёзно? Ужин в постель – это слишком роскошно для узницы. По запаху одеколona понимаю, что еду принёс сам Ярослав. Поднос ставится на тумбочку возле кровати. Чувствую спиной, что мужчина, не отрывая от меня взгляда, берёт стул, ставит его совсем рядом и садится.

– Я знаю, что ты не спишь, Вася, – он делает паузу, ожидая моей реакции. – Поешь, а потом мы поговорим.

– Я не голодна, – отвечаю, не поворачиваясь. Слышу шумный выдох Ярослава, а сама холодею от страха. Зачем я его злю? На что нарываюсь?

– Хочу, чтобы ты сейчас включила голову и постаралась оценить степень моего желания общаться нормально. Не создавая лишнего стресса для себя и не теряя моего времени, – его голос приобретает оттенки командирской стали. – Я не собираюсь тебя уговаривать. Просто начну применять более неприятные методы достижения результата.

– Убьёшь меня? – резко разворачиваюсь к нему, подтягиваю под себя ноги и сажусь на подушку. – Так ты просто дай мне ручку и покажи, где подписать. Да не теряй времени. Зачем ещё и еду притащил? Все, кто меня любит, давно уже там меня ждут, – в горле начинает першить, глаза перестают видеть от подкативших слёз. Пожалуйста! Да, да! Заберите меня! Почему все бросили? – Я не собираюсь отрабатывать твоё великодушие!

Стараюсь убить Ярослава презрительным взглядом. Но в ответ вижу лишь лёгкое раздражение.

– Тебе, – он наклоняет корпус вперёд и теперь легко может дотянуться до меня руками, – очень повезло, что ты – непуганая дура – сейчас говоришь именно со мной. Чтобы добиться

чего-то от женщины, никто не приставляет к её голове ствол. Ей делают больно морально или физически. И поверь мне, лучше быть мёртвой куклой, чем живой и поломанной.

От его тихого, почти вкрадчивого голоса по спине и рукам бегут крупные мурашки. Слёзы высыхают. Он не угрожает, он констатирует факт. Чем могло бы обернуться для меня неуместное желание показать характер.

– Почему ты помогаешь мне? – спрашиваю шёпотом, тону в его вспыхивающих в сумерках комнаты карих глазах и абсурдно думаю о том, что они красивые. Даже когда заставляют кровь застывать в венах, а сердце – стучать быстрее.

– Потому что не люблю случайных жертв, – суёт мне в руки поднос. – Ешь, я сказал.

На подносе тарелка с пловом и стакан сока. Выглядит достаточно аппетитно, пахнет тоже. Хочу выпрямить ноги, чтобы сесть поудобнее и действительно поесть. Но неожиданно икру пронзает тысяча острых игл. Аaaa! Прикусываю щёку изнутри, чтобы реально не закричать. Судорога. У меня бывает. Я неловко вскидываю руки, чтобы обхватить больное место пальцами и совсем забываю о подносе. Он со звоном опрокидывается на пол. Сок выплёскивается Ярославу на джинсы, и стакан падает на пол. Разбивается. С ужасом поднимаю глаза от осколков на мужчину. Замечаю, как часто вздуваются его ноздри, как плотно стиснуты зубы, как он смотрит на меня, не мигая.

– Ты... – проглатывает слова и со свистом выдыхает, резко вставая на ноги.

Я сжимаюсь и закрываю от ужаса глаза, игнорируя ослабевшую боль в ноге. Хочется закричать, что я не специально, но язык словно прирос.

– Подписывай живо.

Что-то лёгкое падает на кровать. Открываю глаза и вижу папку с документами.

– Ты в состоянии сделать четыре росчерка, – цедит сквозь зубы Ярослав и протягивает мне ручку. – Подпись на каждой странице.

Беру её в свои дрожащие пальцы и кладу документы на колени. Руки не слушаются, стараюсь делать штрихи ровными, но буквы всё равно косые. Ставлю последнюю подпись, и Ярослав выдирает предметы из моих рук.

– Похоже, что я сильно переоценил возможности твоего мозга, – смеряет меня ледяным взглядом. – Мне надо уехать, а тебе – ещё подумать над своим поведением. По всем вопросам можешь обращаться к Георгию.

Снова хруст битого стекла под его ботинком и хлопок двери.

Он меня не тронул! Мог, имел право – и не тронул...

Ярослав

– И всё-таки, молодёжь, – седой мужчина наклоняется над бильярдным столом, прицеливается, делает точный удар, загоняя в лузу сразу два шара, и задумчиво продолжает, – удивительное сейчас время. Возможностей.

Миша внимательно следит за нашей игрой, сидя в кожаном кресле, и пьёт коньяк. Князь признаёт только его и другого алкоголя в своём доме не держит.

– В моём положении даже жену было иметь не положено. Детей мне своих пришлось припрятать.

Разговор складывается нетипичный. Обычно Князь любит получать ответы на свои вопросы. А сегодня – как на исповеди. Брат хмурит брови и крутит в руках бокал – он очень не любит, когда неясен расклад.

– Не знал, что у тебя, Фёдор Петрович, дети есть, – обхожу стол по кругу и тоже бью. Шар проходит рикошетом.

– Так случилось, Ярослав, так случилось. И вышли так себе... – Князь задумчиво натирает мелом конец кия. – Сын Павел покинул мир вовремя.

Я замираю, а Миша заметно подаётся вперёд.

– Ну да, как говорится, от осинки... – целится и в этот раз мажет мимо лузы. – Так вот... Первый раз он по малолетке присел. Когда вышел, я ему бизнес подарил. Тот самый завод ваш. Думал, что опомнится, может, даже женится, – Фёдор Петрович подходит к столу рядом с Михаилом, берёт свой бокал и опрокидывает в себя залпом, даже не поморщившись. – Но он играть начал. Да не с кем-нибудь, а с самим Королёвым. Справедливый мужик Владимир был.

Миша на автомате наполняет Князю пустой бокал.

– Ну давайте за него, что ли. Ещё налей, – кивает брату на мой бокал.

Я подхожу к столу, и мы молча выпиваем.

– Спустил Павел всё к чертям, – завершает мысль и выдыхает.

– Так получается, что бизнес ты отцу вернул? – задаю вопрос «в лоб», а Князь усмехается.

– Нет, конечно. Он был безнадёжен. Уже через полгода снова сел. Я только сам завод назад выкупил, а земля осталась в руках Королёва. Иначе Павел построил бы там ещё один блядушник. А ты – молодец, – Федор Петрович обращается к Мише. – Я думал, что по стопам отца пойдёшь. Но когда ты за полгода переквалифицировал проститутток в менеджеров и прачек... Понял, что ошибся. Всем Павел мешал, на дно своё тянул...

– На тебе отец? – Мише важен ответ. Он – единственный, кто так и не поверил в версию с инфарктом.

– Время ему пришло, – Князь отвечает брату, смотря прямо в глаза. – А сегодня днём ко мне Настасья Ивановна жаловаться прибегала, – резко переводит он тему. – Говорит, что не по справедливости Владимир наследство отписал. Любовнице молодой вместо законной жены.

От этих слов все мои внутренности скручивает, и я начинаю дышать чаще.

– А ты, – Фёдор Петрович опускается в кресло и внимательно сканирует каждую мою реакцию, – значит, решил защитить девушку, – берёт в руку свой бокал, крутит в нём жидкость и делает глоток. – Так дела не делаются, Ярослав.

– Земля уже принадлежит нам, – говорю с нажимом, а Князь вальяжно откидывается на спинку кресла. – И девушка пока под моим контролем побудет. Если бы кто-то Владимира не завалил, мы бы сегодня выкупили гектары, – облокотившись спиной на край бильярдного стола, складываю на груди руки. – Ты, Фёдор Петрович, можешь лучше нашего ответ знать. Может быть, Владимиру тоже «время пришло»?

Мы скрещиваем с ним взгляды и давим друг друга. Дед и внук.

– Я не при делах, – Князь даже вскидывает ладони вверх. – Мои люди работают. Мотив ищут личный. Заказник-снайпер бы «снял», а здесь... «со вкусом», в лобешник.

– Мы слышали тебя, – брат встаёт из кресла и с небольшой заминкой подаёт руку хозяйину дома. – Спасибо за откровение.

– Работай, Михаил, и не нарывайся сильно. Я не вечен, – жмёт протянутую ладонь. – А ты, Ярослав, если девочка дорога, женись. И по нашим законам её закроешь, и по мирским. Иначе – тебя могут переиграть.

– Я подумаю, – мне хочется оставить эту мысль без ответа, засунуть её поглубже и никогда не доставать. Потому что она мне охренеть как нравится.

– Может, доиграем? – Князь кивает в сторону бильярдного стола. – Рисунок красивый.

– Надо ехать, Фёдор Петрович...

– Тогда на связи, – протягивает мне руку.

Жму её на автомате и выхожу из комнаты вслед за братом. Мои мысли дома. Нервно проверяю телефон – звонков от Гоши не было. Значит, там всё в порядке. Несмотря на всю свою злость из-за выходки Василисы, я признаю, что держится девушка достойно. А видел я в своей жизни разное.

– Ярый, ведь Фёдор Петрович прав, – усмехается брат. – Готов чужую бабу в паспорт вписать?

– Помолчи... – единственное, что я могу сейчас ответить на провокацию Михаила.

Меня раздирает. Право взять её манит, и мне уже почти наплевать на то, кто был «до». Но это значит – сломать девочке жизнь навсегда, лишить выбора. А отпустить её не получится. Да и какой мужик захочет отпускать «свою»? Это насилие. Оно бывает разное. И психологическое бывает гораздо больше физики. Я хочу её отпустить. Не смогу смотреть на затаившееся в глубине глаз отвращение или страх. Тем более, не хочу, чтобы она думала, что платит мне за что-то долг. Это ещё хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.